

Торайғыров университетінің
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Торайғыров университета

**ТОРАЙҒЫРОВ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

ЗАҢ СЕРИЯСЫ
2022 ЖЫЛДАН БАСТАП ШЫҒАДЫ

**ВЕСТНИК
ТОРАЙҒЫРОВ
УНИВЕРСИТЕТА**

ЮРИДИЧЕСКАЯ СЕРИЯ
ИЗДАЕТСЯ С 2022 ГОДА

ISSN 2958-8618

№ 4 (2022)

Павлодар

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Торайгыров университета

Юридическая серия
выходит 4 раза в год

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на перучет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания
№ KZ90VPY00046812

выдано

Министерством информации и коммуникаций
Республики Казахстан

Тематическая направленность

публикация результатов научных исследований, актуальных проблем
в области права, привлечение внимания к перспективным
и актуальным направлениям юридической науки

Подписной индекс – 76199

<https://doi.org/10.48081/RCKP1510>

Бас редакторы – главный редактор

Жетписов С. К.

д.ю.н., профессор

Заместитель главного редактора Олжабаев Б. Х., *к.ю.н., ассоц.профессор*

Ответственный секретарь Жамулдинов В. Н., *к.ю.н., ассоц.профессор*

Редакция алкасы – Редакционная коллегия

Биштыга А.,	доктор PhD, профессор (Республика Польша)
Зайцев О. А.,	<i>д.ю.н., профессор (Российская Федерация)</i>
Ахмеджанова Г. Б.,	<i>д.ю.н., профессор</i>
Ишеков К.А.,	<i>д.ю.н., профессор (Российская Федерация)</i>
Дуйсенов Э. Э.,	<i>д.ю.н., профессор</i>
Дорожинская Е. А.,	<i>д.ю.н., профессор (Российская Федерация)</i>
Балымов Е. К.,	доктор PhD
Омарова А. Р.,	<i>технический редактор</i>

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов

При использовании материалов журнала ссылка на «Вестник Торайгыров университета» обязательна

© Торайгыров университет

МРНТИ 11.25.41

<https://doi.org/10.48081/VCDE4992>***Г. Т. Шагиева¹, Р. К. Тлеуленов², А. К. Манфагатов³**^{1,2,3}Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Объектом исследования являются отношения, складывающиеся в результате выработки программ противодействия религиозному экстремизму, которые в настоящее время являются предметом горячих дискуссий и часто сводятся к одномерному конструктиву, связанному с религиозным насилием

Предметом исследования являются изучение и анализ природы экстремизма что приводит к достаточно простому выводу о том, что в основе появления данного феномена лежит естественное столкновение интересов и противоречий: политических, экономических, социальных, этнических и конфессиональных.

Целью исследования является определение с последующим предметным рассмотрением всего комплекса политико-правовых аспектов, связанных с формированием и развитием политико-религиозного экстремизма.

Для достижения обозначенной цели в статье последовательно поставлены и решаются следующие задачи: характеристика различных интерпретаций и понимания экстремизма в религии, а также рассмотрение многомерных моделей, которые позволяют более точно понять взаимодействия аспектов религии.

Раскрываются некоторые причины превращения религиозного экстремизма в варианты религиозно-политического экстремизма, так же стоит отметить, что религиозно-политический экстремизм связан не только с исламом, но и с другими конфессиями и культурами.

Приведены примеры столкновений различных экстремистских политических движений друг с другом, где эти группы занимают позицию по трем другим измерениям религиозного экстремизма. В случае невозможности соблюдения по тем или иным причинам своих интересов один из участников противостояния вполне способен

перейти к крайним методам разрешения своих политических, религиозных, этнических и иных проблем.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, аспекты развития, взаимодействие сходства в экстремизме, мусульманские группы и движения, многомерные модели, измерения.

Введение

Взаимодействие нескольких аспектов религиозного экстремизма. Как уже упоминалось, дискурс религиозного экстремизма в основном был связан с политическим контекстом (Фили, 2004; Заркасий, 2008, где речь идет про подъем исламских религиозно-политических движений в Индонезии). Индонезия – страна с самым многочисленным мусульманским населением в мире, ислам здесь исповедуют 88 % от почти 270-миллионного населения страны. Чтобы проиллюстрировать важность изучения не только политического аспекта при понимании религиозного экстремизма, мы более подробно рассмотрели некоторые «экстремистские» исламские движения в Индонезии (т.е. те, которые имеют высокие показатели экстремизма в политическом аспекте).

В попытке более полно понять различные формы экстремизма мы сравнили эти группы по трем другим параметрам. Прежде чем изложить наши выводы, важно отметить, что классификация конкретной группы как политически экстремистской была основана на конкретных исторических событиях: актах политического восстания со стороны Дар аль-ислам (Область ислама) и Негара Ислам Индонезия (Индонезийское Исламское государство). Это также послужило основанием для выделения в качестве экстремистских политических движений «Хизбут Тахрир» и «Фронта защитников Ислама» (ФПИ), получивших поддержку после реформы 1998 г. [1].

Материалы и методы

Между «Джамаа Исламия» (ДИ), «Маджелис моджахедов Индонезии» (ММИ) и «Хизбут Тахрир» (ХТ) есть важные сходства во всех четырех измерениях религиозного экстремизма.

Все группы высоко оценивают экстремизм по политическим параметрам, поскольку они требуют всеобъемлющей легализации шариата, полностью исламского государства, воссоздания халифата и отмены демократии в Индонезии. Однако эти группы отличаются от других политически «экстремистских» групп в Индонезии.

Например, Фронт защитников ислама (ФПИ) поддерживает всеобъемлющую легализацию шариата, но одобряет демократию и отвергает возрождение исламского государства и халифата (Фили, 2004). Другая группа

(Ласкар Джихад или Войска джихада) требует всеобъемлющего шариата и отвергает демократию, но также отвергает возрождение Исламского государства и Халифата.

И эти сходства и различия влияют на их отношения с другими религиозными группами и на то, как они стремятся к достижению своих целей. Хотя мы признаем важность разложения политического измерения на составные элементы в некоторых случаях, наш аргумент заключается в том, что для полного понимания этих групп нам также необходимо исследовать, где эти группы занимают позицию по трем другим измерениям религиозного экстремизма.

С точки зрения экстремизма в теологическом измерении, представления о разгневанном Боге, который использует стихийные бедствия в качестве наказания, особенно важны для разъединения различных экстремистских группировок.

Например, некоторые мусульманские группы в Индонезии утверждают, что ритуальное празднование местных традиций в Палу в Центральном Сулавеси является основной причиной землетрясения и цунами, обрушившихся на индонезийское побережье в 2018 году, в результате которых погибло более 2000 человек. Точно такие же атрибуции доминировали и при объяснении землетрясения 2018 г. на острове Ломбок [2].

Эти группы подчеркивали, что землетрясение является наказанием от Бога, чтобы показать неодобрение политически различных взглядов, которые пропагандирует политический лидер острова (Хасан, 2018).

Интересно, что такие теологические убеждения ведут не к толчку к изменению политической системы, а лишь к приглашению вернуться к исламским нормам, как они их понимают. Это показывает, что крайняя теологическая вера не может быть связана с экстремизмом в политическом измерении.

Однако экстремизм в богословском измерении также может быть связан с узким толкованием джихада, как основного принципа ислама.

Большинство мусульманских групп считают, что джихад означает любые ревностные усилия по созданию лучшего мира. Однако некоторые группы ограничивают его интерпретацию ведением священной войны, например, «Джемаа Исламия» (ДИ), салафитские группы джихадистов и «Джемаа Аншарут Таухид» (ДАТ).

Теологические убеждения, ограничивающие значение джихада ведением священной войны, оказывают влияние на политический экстремизм, поскольку они могут подталкивать верующих к намерениям словесно или физически атаковать ненавистные чужие группы с целью участия в джихаде.

Наконец, некоторые группы, находящиеся на крайнем конце ритуального измерения, проводят активные кампании по очищению религиозных ритуалов и подавлению местных традиций, которые воспринимаются как отклоняющиеся от ислама.

Например, некоторые группы, такие как салафитское движение и «Аль-Вахда аль-Исламия» в Индонезии, проводят кампании против местных традиций и подталкивают мусульман к отказу от традиций, которым пророк не учил. Важно, однако, то, что эти движения не используют физическое насилие в своих усилиях, они принимают политическую систему Индонезии и участвуют в ней [3].

Таким образом, хотя эти группы имеют тенденцию быть крайними в ритуальном измерении, они более умеренны в других измерениях. Например, у них более широкое понимание джихада (т.е. борьбы за веру), и они не мешают своим членам участвовать в существующей политической системе. Экстремизм в социальном измерении представлен тенденцией обвинять других в неблагоприятном положении группы и принуждать к соблюдению конкретных внутригрупповых норм.

Рассмотрим также и последствия сходства в экстремизме для множественных измерений межгрупповых отношений. Различные способы, которыми религиозные группы выражают свою религиозную идентичность в теологическом, ритуальном, социальном и политическом измерениях, влияют не только на то, как они стремятся достичь своих целей, но и на то, как они относятся к другим религиозным группам.

Используя теорию социальной идентичности в качестве линзы для концептуализации межгрупповых отношений, мы предполагаем, что характер межгрупповых отношений между умеренными и экстремистскими религиозными группами определяется воспринимаемой степенью сходства по четырем измерениям.

Например, две группы или более могут сотрудничать друг с другом в своих коллективных действиях, когда они воспринимают общие ценности и более широкую идентичность, и в то же время вступают в конфликт, когда становятся заметными внутренние различия.

Например, в Индонезии, когда бывшему губернатору Джакарты (Басуки Тджахая Пурнама, он же Ахок) в итоге было предъявлено обвинение в оскорблении части Корана, многие мусульманские группы объединились в своих усилиях, чтобы потребовать его наказания. В серии массовых акций протеста против предполагаемого богохульства приняли участие сотни тысяч человек по всей стране. [4]

С точки зрения идентичности можно утверждать, что общее негодование по поводу бывшего губернатора, который, как считалось, оскорблял ислам, объединило различные мусульманские группы, и разные группы работали вместе, чтобы справиться с общими недовольствами и общими угрозами высшей мусульманской идентичности.

Несмотря на этот пример единства, также ясно, что во многих случаях отношения между умеренными и более радикальными религиозными группами становятся более напряженными.

Мы утверждаем, что эту напряженность также можно лучше понять, принимая во внимание то, как умеренные и более крайние проявления идентичности формируются в четырех выявленных измерениях.

Например, члены Партии «Процветающая справедливость» (ПКС) и члены «Хизбут Тахрир» в основном занимают одну и ту же позицию в социальном измерении, поскольку обе группы хотят создать новый исламский общественный порядок посредством легализации шариата в Индонезии.

Однако Партия «Процветающая справедливость» (ПКС) часто критикует членов «Хизбут Тахрир» за то, что они не согласны с лучшим «исламским» методом достижения своей общей цели. Их разногласия проявляются в политическом измерении, поскольку ПКС поддерживает демократическую систему, о чем свидетельствует их участие во всеобщих выборах, в то время как «Хизбут Тахрир» категорически отвергает демократическую систему и избегает демократической политики как способа повышения политической власти [5].

Возможность компромисса между двумя политически крайними движениями зависит от уровня активизируемой идентичности (т. е. подгрупповой или подчиненной идентичности).

Когда они противостоят общим врагам (например, группе мусульман или политиков, которые решительно поддерживают индонезийское многообразие и выступают против легализации исламского права), акцент идет на их превосходящую идентичность, все они могут скомпрометировать или даже интегрироваться.

Аналогичную картину можно наблюдать среди групп мусульман, которые идентифицируются как «крайние» в ритуальных измерениях. Движение салафитов и другие группы (например, Матлауль Анвар, Вахда аль-Исламия) могут объединяться, чтобы создавать нарративы для ритуального очищения и обвинять мусульман, которые исповедуют местные традиции, и их сторонников в религиозных заблуждениях. То есть, когда они сталкиваются с умеренными мусульманами (например, Нахзатул

Улама, группа, которая поддерживает сохранение местных традиций и разнообразия), они активируют общую высшую идентичность и работают вместе.

Однако эти ритуально крайние группы могут конфликтовать друг с другом, когда политические разногласия становятся очевидными.

Например, многие члены группы салафитов считают, что публичный протест является незаконным действием с точки зрения ислама, в то время как другие группы, разделяющие их крайнюю идентичность в ритуальном измерении, воспринимают его как законную тактику.

Различия в политическом измерении могут привести их к попыткам доминировать друг над другом и открытой борьбе за власть.

Результаты и обсуждение

Следствием сходства и различия в измерениях религиозного экстремизма является релевантность предыдущей работы по идентичности и конфликту.

В этой модели ярко выраженная подгрупповая идентичность (например, в качестве активиста ПКС или «Хизбут Тахрир») может привести к тенденции искать внутригрупповой фаворитизм, что, в свою очередь, усиливает их чувство собственного достоинства.

Однако, когда проявляется высшая идентичность (например, как мусульмане, поддерживающие легализацию исламского права в Индонезии, или как мусульмане в более широком контексте), члены своей группы воспринимают членов других исламских движений, как членов той же группы.

В соответствии с этим, подход к религиозному экстремизму, который фокусируется исключительно на одном измерении, упускает из виду иные способы, в которых две группы объединяются (например, в социальном плане) и различаются (например, в политическом плане), что, в свою очередь, не позволяет предсказать членов группы, политические союзы или конфликт [6].

Рассмотрим несколько видов моделей. Для начала рассмотрим разработку этой многомерной модели. Одномерная категоризация умеренных и экстремистов приводит к упрощенному пониманию, согласно которому люди с очень консервативными убеждениями в религии ассоциируются с поддержкой насилия и террора.

Мы предполагаем, что экстремизм выражается в разных измерениях, а сопоставление групп и отдельных лиц с использованием нескольких измерений в модели поможет понять модели нарративов и действий, совершаемых группами.

Это позволяет более тонко понять религиозное насилие, благодаря чему мы признаем, что насилие может быть мотивировано разными причинами (не

обязательно связанными с политическими причинами) и что взаимодействие между различными аспектами, в которых может выражаться экстремизм, может либо подпитывать, либо ограничивать религиозное насилие.

Например, когда религиозная группа находится на экстремистском конце политического измерения, но коллективно разделяемые теологические убеждения исключают применение насилия).

Отходя от чрезмерно упрощенных представлений о религиозных группах как о политически мотивированных, представленная схема предлагает практический метод для понимания многогранной природы экстремизма. Он направлен на анализ религии как на групповом, так и на индивидуальном уровне, расширяя научное понимание религиозных аспектов, которые могут иметь значение для обеспечения точных прогнозов насильственного экстремизма на основе идеологических нарративов [7]. Несмотря на то, что четыре аспекта религиозного экстремизма, которые мы здесь представляем, основаны на предыдущих исследованиях экстремизма и религиозности, разработанная нами модель адаптирована к контексту индонезийских мусульман и их религиозных движений.

Применяя эту модель в другом или более широком контексте (например, исламские движения в Пакистане или Египте или христианские группы на Филиппинах или в Северной Ирландии), исследователям необходимо тщательно продумать применимость данной модели.

Рассмотрим также экстремизм в РК в разрезе преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом, говорить сложно, поскольку правовая статистика, доступная в 2017 году на сайте Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК, на данный момент полностью отсутствует. Однако можно попробовать обратиться к цифрам главного силового ведомства страны. Согласно пресс-службе Комитета национальной безопасности Казахстана (КНБ РК), по состоянию на 27 июня 2019 за преступления, связанные с терроризмом и религиозным экстремизмом, осуждены и отбывают наказание 662 гражданина Республики Казахстан, 14 из них – женщины. По сути, эта цифра сама по себе ни о чем не говорит: с одной стороны, доля осужденных по этим преступлениям в масштабах всего населения страны – это капля в море. С другой стороны, это число неуклонно растет с годами, о чем опять же свидетельствуют многочисленные публикации в масс медиа и статистика, озвучиваемая представителями профильных органов власти на пресс-конференциях. Кроме того, не стоит забывать о тех гражданах, кто все-таки выехал в зоны боевых конфликтов, в частности в Сирию, для присоединения к ДАИШ за последние пяти-шесть

лет. Тем не менее, в совокупности эти цифры остаются достаточно низкими и нерепрезентативными.

Если сравнивать число преступлений по определенным статьям Уголовного Кодекса РК, то картина получается еще куда более расплывчатой. Для сравнения в исследовании «Онлайн свобода в Казахстане vs. противодействие насильственному экстремизму: кейс Казахстана» А. Гусаровой говорится о том, что преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, гораздо меньше, чем, к примеру, по разжиганию розни (ст.174 УК РК).

К примеру, в 2017 году по статье 256 Уголовного Кодекса РК п.1 пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма осуждены 10 человек: четыре лишены свободы сроком от 1 до 3 лет, трое – от 3 до 5 лет, и еще трое – от 5 до 8 лет. Из них – трое жителей Алматы, остальные представляют Астану, ЮКО, Акмолинскую, Атыраускую, Павлодарскую, Карагандинскую и Мангистаускую области.

Согласно КНБ РК, источниками распространения радикальной идеологии остаются граждане Казахстана, обучавшиеся в сомнительных зарубежных теологических учебных заведениях. Несмотря на принимаемые меры, проблема участия казахстанцев в террористической деятельности за рубежом остаётся актуальной. Если говорить о радикализации, то этот процесс является сугубо индивидуальным, и, как следствие, что для одного человека станет триггером или push/pull фактором, для другого будет вовсе не актуальным [8].

На практике означает, что помимо традиционных причин, постоянно озвучиваемых государственными профильными ведомствами, участие и/или присоединение к экстремистским и террористическим организациям или совершение преступлений экстремистского и террористического характера связано в основном с социально-экономической средой, низким уровнем религиозной грамотности, а также деятельностью деструктивных псевдорелигиозных группировок в стране и регионе. В конечном счете процесс радикализации так или иначе связан с поиском идентичности, и в большинстве своем речь идет о том, что значит быть правверным мусульманином [9], собственно, об этом идет речь в большинстве онлайн пропаганды Анвар аль-Авлаки или Фурат Медиа, русскоязычный пропагандистский портал ДАИШ с аккаунтами в социальных сетях.

Помимо усилий, предпринимаемых на международной арене по противодействию насильственному экстремизму и терроризму, в Казахстане разработаны ключевые документы в этом направлении. Безусловно, стратегия является всеобъемлющей, включает в себя много различных

мягких и силовых компонентов, которые учитывают стейкхолдеров, законодательство и направления работы [10].

Выводы

С практической точки зрения, применяя модель в других контекстах, исследователи должны провести качественное исследование измерений, которые религиозные группы используют для выражения своей религиозности.

Затем для каждого параметра, обнаруженного в конкретном контексте, исследователи должны изучить, какие показатели экстремизма по сравнению с умеренными убеждениями. Необходимо учитывать обширную описательную информацию о контексте и конкретных внутригрупповых или межгрупповых процессах, чтобы сделать многомерную модель адаптированной к конкретным контекстам.

При этом некоторые измерения (например: ритуальные, политические) могут не применяться ко всем контекстам, в то время как другие новые измерения, возможно, потребуется добавить.

Такое исследование вполне может привести к выводу, что политическое измерение является наиболее важным измерением для объяснения насильственного поведения и что другие три предложенных измерения (например, теологическое, социальное и ритуальное) менее актуальны.

Возьмем, к примеру, нынешний экстремизм рахайнских буддистов в Мьянме против мусульман-рохинджа. насильственные действия против мусульман-рохинджа в 2017 году со стороны буддистов штата Ракхайн были оправданы простыми репрессиями против предполагаемых повстанцев-рохинджа, что позволяет предположить, что политический аспект может быть наиболее важным для понимания экстремизма в данном случае. Однако в других контекстах насилие, по-видимому, спровоцировано другими аспектами.

Например, а также в контексте буддийского насилия террористическая атака зарином в токийском метро в 1995 году, совершенная культовой группой «Аум Синрикё», была вызвана не столько экстремизмом в политическом измерении, сколько экстремизмом в богословском либо в ритуальном аспекте.

В частности, нападение было мотивировано твердой верой членов культа, разделяемой по обоюдному согласию, что насилие в этой форме смоеет их грехи и позволит им как группе пережить неизбежный Армагеддон.

Эти примеры также ясно показывают, что содержание различных аспектов и способы проявления умеренной и крайней религиозности различаются для разных религиозных групп.

В частности, хотя важно понимать политическое насилие среди индонезийских мусульман с точки зрения взглядов на законы шариата, в контексте Мьянмы политический экстремизм сосредоточен на взглядах против меньшинств и их прав.

Так как, на то время как теологический экстремизм в Индонезии связан с представлением о Боге, а ритуальный экстремизм связан с терпимостью к отклонению от общепринятых нормативных способов введения в действие религии, для «Аум Синрикё» в Японии экстремизм в этих измерениях связан с нарративами и верованиями вокруг Судного дня.

Наконец, при применении модели в других контекстах важно учитывать новые аспекты, которые могут быть важны для понимания экстремизма.

Например, Метод «Смарт» выделяет семь измерений буддийской религиозности, включая новые измерения, такие как мифологическое и эмпирическое. Ученые могли бы выяснить, имеют ли эти или другие параметры отношение к различиям между умеренными и экстремистами (например, если буддийские группы, менее склонны быть экстремистскими) посредством предварительных исследований и пилотных испытаний.

Мы, конечно, поддерживаем предотвращение насильственного экстремизма, но мы также поддерживаем мнение о том, что крайние религиозные убеждения не всегда связаны с поддержкой применения насильственных методов и тактик. Мотивируя людей к участию в насильственных межгрупповых конфликтах, могут быть задействованы сильные нарративы о несправедливости и ожидаемых изменениях.

Однако во многих случаях (например, когда в конфликте участвуют религиозные группы) религиозные нарративы могут подпитывать готовность присоединиться к насильственным движениям от имени своей группы.

Зафиксировав, как экстремизм проявляется в определенных измерениях и как эти измерения предсказывают поддержку насилия, политики могут быть более сосредоточены на противодействии религиозным нарративам, которые могут использоваться в качестве катализатора любого проявления насилия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Фили, Г.** «Исламский радикализм в Индонезии: неустойчивое возрождение?» // В Юго-Восточной Азии 2004 (Сингапур: Институт Юсофа Исхака). (2004) – С.104–122. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jstor.org/stable/27913255>. (Date of access 01.11.2022).

2 **Заркасий, Х.** Подъем исламских религиозно-политических движений в Индонезии: предпосылки, современная ситуация и будущее. – (2008). С. 336–378. – Уникальный идентификатор: 10.15642/JPIS.2008.2.2. (Дата обращения: 01.11.2022).

3 **Мухтади, Б.** Поиски Хизбут Тахрир в Индонезии. Азия. Социология – 37 – (2009) С. 623–645. – Уникальный идентификатор: 10.1163/156853109X460219 (Дата обращения 01.11.2022).

4 **Сейджмен, М.** Джихад без лидеров : Сети террора в двадцать первом веке. (2008) – С. 105–129 – (Дата обращения : 02.11.2022).

5 **Осман, М. Н. М.** Транснациональная сеть Хизбут Тахрир Индонезия // Юго-Восточная Азия – 18. (2010).– С.735–755 – Уникальный идентификатор: 10.5367/.2010. (Дата обращения 05.11.2022).

6 **Уорд, К.** . Ненасильственные экстремисты? Хизбут Тахрир Индонезия// Ауст. Дж. междунар. Афф. 63. (2009)– С.149–164. – doi: 10.1080/10357710902895103

7 **Сароглу, В.** Религиозность как культурная адаптация базовых черт: перспектива пятифакторной модели. Личность. Социология. Психология – 14. (2010) – С. 108–125. – Уникальный идентификатор : 10.1177/1088868309352322 (Дата обращения 08.11.2022).

8 Закон РК «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ» от 13 июля 1999 года № 416 «Казахстанская правда» от 30.07.99 г. № 182-183; (Ведомости Парламента РК). 1999 г., N 19. – ст. 649 (Дата обращение 09.11.2022).

9 **Арена, М. П** и **Арриго, Б. А.** Социальная психология, терроризм и идентичность : предварительный пересмотр теории, культуры, личности и общества. Поведение науч. Закон 23. (2005). – С. 485–506. – Уникальный идентификатор : 10.1002/бсл.653 (Дата обращения 10.11.2022).

10 **Хорган, Дж.** Дерадикализация или отказ от участия: процесс, нуждающийся в ясности, и контртеррористическая инициатива, нуждающаяся в оценке. Перспективы –2. (2008) – С. 3–8. – Уникальный идентификатор: 10.1174/021347409788041408 (Дата обращения 12.11.2022).

REFERENCES

1 **Fealy, G.** «Islamskij radikalizm v Indonezii : neustojchivoe vozrozhdenie?» «Islamic radicalism in Indonesia : the faltering revival?» // In Southeast Asian affairs 2004 (Singapura: ISEAS-Yusof Ishak Institute). (2004). – P.104–122 [Electronic resource]. – URL: <https://www.jstor.org/stable/27913255>. (Date of access : 01.11.2022).

2 **Zarkasij, H.** Pod’em islamskih religiozno-politicheskikh dvizhenij v Indonezii: predposylki, sovremennaya situaciya i budushchee [Zarkasyi, H. F. (2008). The rise of Islamic religious-political movements in Indonesia : the background, present situation and future]. J. Indones (2008) – P. 336–378. – doi:10.15642/JIIS.2008.2.2.. (Date of access 01.11.2022).

3 **Muhtadi, B.** Poiski Hizbut Tahrir v Indonezii//. Aziya. Sociologiya – 37 [The quest for Hizbut Tahrir in Indonesia]. Asian J. Soc. Sci. 37. 2009 – P. 623–645.– doi: 10.1163/156853109X460219 (Date of accession 01.11.2022).

4 **Sejdzhmen, M.** Dzhihad bez liderov : Seti terrora v dvadcat’ pervom veke [Leaderless Jihad : Terror networks in the twenty-first century]. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press – (2008). P. – 105–129 (Date of access 02.11.2022).

5 **Osman, M. N. M.** Transnacional’naya set’ Hizbut Tahrir Indoneziya. [Yugo-Vostochnaya Aziya – 18 [The transnational network of Hizbut Tahrir Indonesia]. South East Asia Res. 18] (2010).– P. 735–755. – doi: 10.5367/sear.2010.0018 (Date of access 05.11.2022).

6 **Uord, K.** Nenasil’stvennye ekstremisty? Hizbut Tahrir Indoneziya]. Aust. Dzh. mezhdunar. Aff. 63 [Non-violent extremists? Hizbut Tahrir Indonesia. Aust. J. Int. Aff. 63 (2009) – P. 149–164 – doi: 10.1080/10357710902895103. (Date of access 07.11.2022).

7 **Saroglu, V.** Religioznost’ kak kul’turnaya adaptaciya bazovyh chert : perspektiva pyatifaktornoj modeli. Lichnost’. Sociologiya. Psihologiya – 14 [Religiousness as a cultural adaptation of basic traits : a five-factor model perspective]. // Personal. Soc. Psychol. Rev. 14 (2010) – P.108–125 – doi: 10.1177/1088868309352322. (Date of access 08.11.2022).

8 Zakon RK «O PROTIVODEJSTVII TERRORIZMU» ot 13 iyulya 1999 goda № 416 «Kazhastanskaya pravda» ot 30.07.99 g. № 182–183; (Vedomosti Parlamenta RK). 1999 g. – N 19. – st. 649 – (Date of access 09.11.2022).

9 **Arena, M. P i Arrigo, B. A.** Social’naya psihologiya, terrorizm i identichnost’ : predvaritel’nyj peresmotr teorii, kul’tury, lichnosti i obshchestva. Povedenie nauch. Zakon 23 [Social psychology, terrorism, and identity : a preliminary re-examination of theory, culture, self and society. Behav. Sci. Law 23] (2005). – P. 485–506. – doi: 10.1002/bsl.653. (Date of access 10.11.2022).

10 **Horgan, Dzh.** Deradikalizaciya ili otkaz ot uchastiya: process, nuzhdayushchijsya v yasnosti, i kontrterroristicheskaya iniciativa, nuzhdayushchayasya v ocenke. Perspektivy – 2 [Horgan, J. (2008). Deradicalization or disengagement: a process in need of clarity and a counterterrorism initiative in need of evaluation. Perspect. Terror. 2] (2008). – P. 3–8. – doi: 10.1174/021347409788041408 (Date of access 12.11.2022).

Материал поступил в редакцию 14.12.22.

*Г. Т. Шагиева¹, Р. К. Тлеуленов², А. К. Манфагатов³

^{1,2,3}Торайғыров университеті, Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

Материал баспаға 14.12.22 түсті.

ДІНИ ЭКСТРЕМИЗМ

Бұл мақалада қазіргі уақытта қызу пікірталастардың тақырыбы болып табылатын және көбінесе діни зорлық-зомбылықпен байланысты бір өлшемді құрылымға дейін қысқартылатын діни экстремизм қарастырылады.

Сондай-ақ діндегі экстремизмнің әртүрлі түсіндірмелері мен түсініктері, сонымен қатар дін аспектілерінің өзара әрекетін дәлірек түсінуге мүмкіндік беретін көп өлшемді модельдер бар. Діни экстремизмнің діни-саяси экстремизмнің нұсқаларына айналуының кейбір себептері ашылды, сонымен қатар діни-саяси экстремизм тек ислам дінімен ғана емес, басқа конфессиялар мен мәдениеттермен де байланысты екенін атап өткен жөн.

Экстремизмнің табиғатын зерттеу бұл құбылыстың пайда болуы мүдделер мен қайшылықтардың: саяси, экономикалық, әлеуметтік, этникалық және конфессиялық табиғи қақтығысқа негізделгені туралы жеткілікті қарапайым қорытындыға әкеледі.

Әртүрлі экстремистік саяси ағымдардың бір-бірімен қақтығыстарының мысалдары келтірілген, онда бұл топтар діни экстремизмнің басқа үш өлшемі бойынша позицияны ұстанады. Қандай да бір себептермен өз мүдделерін сақтау мүмкін болмаған жағдайда, қақтығысқа қатысушылардың бірі өздерінің саяси, діни, этникалық және басқа да проблемаларын шешудің экстремалды әдістеріне жүгінуге әбден қабілетті.

Кілтті сөздер: діни экстремизм, түсіну, даму аспектілері, аспектілердің өзара әсері, экстремизмдегі ұқсастықтардың салдары, көп өлшемді модельдер, өлшемдер.

*G. T. Shagieva¹, R. K. Tleulenov², A. K. Manfagatov³

^{1,2,3}Torighyrov University, Republic of Kazakhstan, Pavlodar

Material received on 14.12.22

PROBLEMS OF COUNTERING RELIGIOUS EXTREMISM

This article examines religious extremism, which is currently the subject of heated debate and is often reduced to a one-dimensional construct related to religious violence. There are also different interpretations and understandings of extremism in religion, and multidimensional models are examined that allow a more accurate understanding of the interplay of aspects of religion. Some reasons for the transformation of religious extremism into variants of religious and political extremism are revealed, and it is also worth noting that religious and political extremism is related not only to Islam, but also to other faiths and cultures. The study of the nature of extremism leads to a fairly simple conclusion that at the heart of the emergence of this phenomenon is a natural clash of interests and contradictions: political, economic, social, ethnic and confessional. Examples of clashes of various extremist political movements with each other are given, where these groups take a position on the other three dimensions of religious extremism. In the case of inability to comply for one reason or another with their interests, one of the participants in the confrontation is quite capable of moving to extreme methods of resolving their political, religious, ethnic and other problems.

Keywords: religious extremism, understanding, aspects of development, interaction of aspects, implications of similarity in extremism, multidimensional models, dimensions.

Теруге 14.12.2022 ж. жіберілді. Басуға 30.12.2022 ж. қол қойылды.

Электронды баспа

885 Mb RAM

Шартты баспа табағы 8,11.

Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген А. М. Мыржикова

Корректоры: А. Р. Омарова, Д. А Кожас

Тапсырыс № 40006

Сдано в набор 14.12.2022 г. Подписано в печать 30.12.2022 г.

Электронное издание

885 Mb RAM

Усл.п.л. 8,11. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка А. М. Мыржикова

Корректор: А. Р. Омарова, Д. А Кожас

Заказ № 40006

«Toraighyrov University» баспасынан басылып шығарылған

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

«Toraighyrov University» баспасы

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

8 (7182) 67-36-69

e-mail: kereku@tou.edu.kz

<https://vestnik.tou.edu.kz/>